

Тао Цзюсы, глядя на него, улыбнулся. Вэй Фусюэ наконец понял суть дела, и это было первым признаком успеха в его обучении. В душе он почувствовал утешение:

— Если могущественный правитель поймет это, зачем ему проливать кровь на тысячу ли?

Вэй Фусюэ, увидев улыбку Тао Цзюсы, внутренне облегченно вздохнул и ответил улыбкой.

На самом деле, Вэй Фусюэ не до конца понял суть, но, услышав, что Тао Цзюсы заболел и взял отгул, весь день он был рассеян. Ему казалось, что именно он довел учителя до болезни. Мысль о том, что этот хрупкий ученый может превратиться в изможденного больного, почему-то вызвала в нем чувство тяжести.

Сейчас он ответил так лишь для того, чтобы порадовать Тао Цзюсы.

Тао Цзюсы, размышляя, все больше убеждался, что может изменить историю и предотвратить катастрофу. Его улыбка становилась все шире.

Вэй Фусюэ почувствовал, что эта улыбка вызвана им, и это тронуло его. Ощущение было похоже на то, как в детстве он впервые попробовал медовую воду — сладкую и приятную, но он не хотел выпить ее до конца.

Тао Цзюсы вспомнил что-то и сказал:

— Ваше Высочество, подождите немного.

Он повернулся и подошел к книжному шкафу, выбрал несколько книг:

— Возьмите эти книги с собой, поразмышляйте над их содержанием, и мы сможем обсудить их вместе.

Вэй Фусюэ взглянул вниз: «Цзо Чжуань», «Стратегии Сражающихся царств», «Хань Шу». Он понял, что Тао Цзюсы хочет научить его читать историю.

Тао Цзюсы продолжил:

— У меня есть дурная привычка — я люблю делать пометки в книгах. В этих трех книгах тоже есть мои заметки и мысли. Прошу Ваше Высочество проявить снисхождение.

В сердце Вэй Фусюэ внезапно загорелся свет, как будто он впервые увидел свет в ночном пути, почувствовав радость и тепло.

Он бережно спрятал книги и серьезно сказал:

— Господин Тао, спасибо вам.

Тао Цзюсы кивнул и добавил:

— Я отдохнул день и уже чувствую себя намного лучше. Завтра утром я смогу прийти во дворец, чтобы продолжить уроки. Сейчас уже поздно, Ваше Высочество, возвращайтесь и отдыхайте.

Вэй Фусюэ видел, что Тао Цзюсы все еще слаб, и понимал, что не стоит его дальше беспокоить. Но в его сердце оставалось одно невысказанное дело, и он колебался.

Тао Цзюсы, видя его нерешительность, терпеливо ждал, пока он заговорит.

Наконец, Вэй Фусюэ решился и искренне сказал:

— Учитель, в тот день я тоже был неправ.

Сказав это, он исчез, как будто свеча погасла.

Тао Цзюсы был ошеломлен, но затем вспомнил их первую ссору на уроке. Он улыбнулся. Юный Вэй Фусюэ, хоть и проявлял зачатки тирании, но все же был не безнадежен.

В дверь заглянул Су Цинцюань, неся с собой лекарство:

— Цзюсы, ты уже спишь?

Он прервал размышления Тао Цзюсы.

Тао Цзюсы поздоровался с братом и послушно принял лекарство, выпив его залпом.

Су Цинцюань поставил чашу и, уложив Тао Цзюсы в постель, сел на стул у его кровати:

— Тебе уже лучше? Сегодня вечером я был с коллегами на пиру, поэтому заглянул к тебе только сейчас.

Тао Цзюсы понял, что брат хочет что-то обсудить, и сказал:

— Мне уже намного лучше, не беспокойся. Что нового сегодня в зале заседаний?

— Новости действительно есть, — сразу же ответил Су Цинцюань. — Ты знаешь цензора Суня из Палаты цензоров?

Тао Цзюсы кивнул:

— Говорят, он дальний родственник Драгоценной супруги Ду.

Су Цинцюань продолжил:

— Сегодня коллеги упомянули, что цензор Сунь активно ходит по кругам, собирая людей для совместного обвинения первого министра Цзяна. Цзюсы, разве это не странно? Хоть у цензора Суня и есть разногласия с первым министром Цзяном, но обвинение министра — дело нешуточное. К тому же, Цзян Цзыхэн глубоко укоренился при дворе. Разве не стоит действовать осторожно и продуманно? Вместо этого он так открыто действует, разве он не боится, что Цзян Цзыхэн ударит первым?

Су Цинцюань вздохнул:

— Думаю, на восемьдесят процентов это из-за того, что Драгоценная супруга Ду не выдержала и поддалась чьему-то влиянию.

Тао Цзюсы вспомнил, что в прошлой жизни тоже было подобное. Тогда Цзян Цзыхэн, увидев, что его обвиняют, пошел к императору и заявил, что хочет уйти на покой, говоря, что его старые кости уже не годятся для службы, и просил императора проявить снисхождение.

Император, конечно, не согласился. Он был одержим созданием эликсиров, а горы

государственных дел часто сваливал на Императорский секретариат. Теперь, если первый министр уйдет, Вэй Уюэ не сможет быстро найти замену. Поэтому он уговаривал Цзян Цзыхэна остаться и даже отчитал цензора Суня, лишив его жалования.

С тех пор беспристрастный Цзян Цзыхэн постепенно начал склоняться к третьему принцу.

Теперь, вспоминая это, Тао Цзюсы внезапно понял, что цензор Сунь, хоть и кажется человеком Драгоценной супруги Ду, на самом деле принадлежит к сторонникам третьего принца. Третий принц использовал хитрость, чтобы привлечь первого министра на свою сторону.

Тао Цзюсы знал, что в прошлой жизни его брат вместе с ним поддерживал второго принца. Когда это произошло, он также подал множество петиций в защиту второго принца. Теперь, понимая суть дела, он боялся, что брат тоже вяжется в эту авантюру, и с беспокойством спросил:

— Они тоже обратились к тебе?

Су Цинцюань кивнул. Он пришел, чтобы услышать мнение Тао Цзюсы.

Тао Цзюсы улыбнулся:

— Брат, просто притворись, что ничего не знаешь. Это дело скоро разрешится само собой, и вмешиваться в него — значит работать на других.

Су Цинцюань подумал немного. Он не знал, как Тао Цзюсы пришел к такому выводу, но понимал, что брат советует ему не предпринимать никаких действий, и решил остаться в стороне.

Он хотел хлопнуть Тао Цзюсы по плечу и сказать, что понял его, чтобы тот не беспокоился. Но, взглянув вниз, увидел, что Тао Цзюсы уже спит.

Су Цинцюань улыбнулся, поправил одеяло и тихо вышел.

С тех пор, как Тао Цзюсы заболел, Вэй Фусюэ старался скрывать свои грандиозные идеи и говорил только то, что хотел услышать учитель, чтобы порадовать его и не вызвать повторного приступа болезни.

Тао Цзюсы, видя, что Вэй Фусюэ отвечает все более обдуманно и идет по правильному пути, считал, что ученик поддается воспитанию, и стал еще более усердным и внимательным.

Наступило лето, и Тао Цзюсы уже более трех месяцев был учителем Вэй Фусюэ. От первоначальных трений их отношения переросли в приятные беседы, что радовало матушку Гуй.

Был уже конец июня, стояла невыносимая жара. Тао Цзюсы, боясь, что Вэй Фусюэ перегреется или получит тепловой удар, рано утром принес в кабинет кувшин напитка из сливы.

В это время Вэй Фусюэ сидел за столом и читал. Теплый свет, падающий на его лицо, смягчил его суровый облик, делая его похожим на обычного, приятного человека. Однако сегодня он был особенно бледен, его обычно румяные губы потеряли цвет, а длинные ресницы бессильно опустились.

К сожалению, мысли Тао Цзюсы были заняты другим, и он не сразу заметил слабость Вэй

Фусюэ.

Тао Цзюсы думал о том, что с тех пор, как ученик узнал, что он приходит рано, Вэй Фусюэ каждый день ждал его в кабинете еще раньше. Даже после окончания урока он не отпускал учителя, умоляя рассказать еще что-нибудь. Жажда знаний и ранние подъемы — эти качества были куда сильнее, чем у Вэй Жунъюя.

Тао Цзюсы сел за стол и передал кувшин с напитком матушке Гуй. Та, увидев кувшин, обрадовалась, как будто нашла сокровище, и воскликнула:

— Молодой хозяин еще не пробовал это, как хорошо, как хорошо!

Вэй Фусюэ поднял голову лишь через некоторое время и с легкой улыбкой сказал:

— Учитель, вы пришли.

Тао Цзюсы улыбнулся и спросил:

— Что вы только что читали?

Вэй Фусюэ ответил:

— Читал «Основные записи о Гао-цзу», где Гао-цзу, будучи пьяным, убил белую змею.

Тао Цзюсы кивнул:

— Тогда сегодня мы поговорим о Хань Гао-цзу Лю Бане.

Уроки Тао Цзюсы были свободными, каждый день он не придерживался строгого плана, а углублялся в тему, исходя из интересов или вопросов Вэй Фусюэ, приводя множество примеров. Благодаря его обширным знаниям, не только Вэй Фусюэ, но даже матушка Гуй часто заслушивалась.

Сегодняшний урок был немного иным. Обычно энергичный Вэй Фусюэ был вялым и редко говорил, сидя, как будто мог упасть в любой момент.

Тао Цзюсы наконец заметил, что с учеником что-то не так, и нахмурился:

— Ваше Высочество, вам плохо? Может, отдохнем сегодня?

Вэй Фусюэ, услышав это, хотел покачать головой и сказать: «Учитель, продолжайте», но не смог произнести ни слова. После нескольких попыток он потерял сознание.

Тао Цзюсы и матушка Гуй были в ужасе. Тао Цзюсы поднял Вэй Фусюэ, тихо звал его и велел матушке Гуй позвать кого-нибудь на помощь.

Через некоторое время матушка Гуй вернулась, но не с врачом, а с тридцатилетним евнухом с темной кожей.

Тао Цзюсы узнал его — это был Хуа Юньтай.

Хуа Юньтай немного разбирался в медицине. Он пощупал пульс Вэй Фусюэ и, повернувшись к матушке Гуй, спросил:

— Почему молодой хозяин так слаб? Как вы заботились о его питании?

Матушка Гуй, стоя на коленях рядом с Вэй Фусюэ, всхлипывая, ответила:

— Молодой хозяин запретил мне говорить.

<http://bllate.org/book/16421/1488040>